

МОРАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РИЧАРДА ХЭРА¹

А.Б. ДИДИКИН,
д.ф.н., к.ю.н., доцент,
профессор Высшей школы
права Университета КАЗГЮУ
имени М.С. Нарикбаева
(г. Нур-Султан, Казахстан),
член Аристотелевского
общества (Великобритания),
член Канадской философской
ассоциации,
e-mail: a_didikin@kazguu.kz

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена недостаточной изученностью проблематики аналитической метаэтики в современной юриспруденции и философии права. Метаэтика на протяжении XX столетия является важной основой переосмысления классических методов познания правовых явлений, в особенности лингвистических конструкций юридического языка. Рассматриваемая в статье лингвистическая концепция Ричарда Хэра, всемирно известного ученого, Председателя и многолетнего участника Аристотелевского общества в Великобритании, позволяет новаторски проанализировать структуру нормативных высказываний в языке морали и языке права. *Предмет исследования* заключается в анализе способов отображения моральных принципов и моральных предписаний в языке права. *Цель работы* состоит в теоретическом рассмотрении характера юридически значимого поведения с точки зрения его морально-этических оснований. *Новизна темы* обусловлена отсутствием в учебной и научной литературе исследований о специфике проявления прескриптивных конструкций языка морали в области права и регулирования правового поведения, а также глубинного анализа конструкций юридического языка в его взаимоотношении с языком этики.

В качестве *методов исследования* применялись как философские подходы, основанные на принципах и идеях аналитической философии (методы лингвистического анализа языковых конструкций), так и общенаучные методы познания (анализ и синтез, абстрагирование и идеализация, индуктивное обобщение), специальные юридические методы (формально-юридический метод толкования нормативных предписаний).

Основные выводы статьи заключаются в раскрытии ключевых аргументов концепции нормативных предписаний языка морали, сформулированной британским мыслителем Р. Хэром. Обосновано, что по аналогии с правовыми высказываниями в языке морали также содержатся нормативные моральные предписания, которые имеют императивный характер, а значит определяют сущность и последствия совершаемых действий субъектом. Такое разделение императивов в языке не по-

© А.Б. Дидикин, 2022

¹Статья подготовлена в рамках реализации фундаментального научного проекта «Readability of Law» в Высшей школе права Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева.

звояет оценивать их с позиции истинности или ложности, так как они мотивируют и регулируют поведение субъекта, а не просто описывают его с точки зрения соответствия фактам. Другим значимым выводом из концепции Р. Хэара является возможность оценки правомерности и этической оправданности поступка с позиции принципа универсализуемости, позволяющего вписать совершенное действие в контекст ситуации и внешних условий поведения субъекта. В отличие от категорического императива И. Канта данный принцип эмпирически подтверждает соответствие или несоответствие правового поведения лица нормативно установленным моральным и правовым предписаниям, имеющим специфическую грамматическую форму в языке.

Автором статьи представлен перевод части 4 «Решения на основе принципа» главы 1 «Повелительное наклонение» книги Ричарда Хэара «Язык морали», наиболее репрезентативно иллюстрирующей идейную позицию и взгляды всемирно известного ученого.

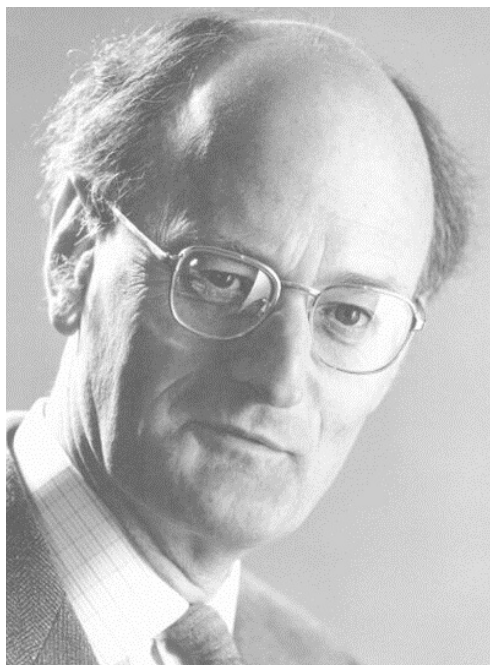
Ключевые слова: язык морали; язык права; прескриптивные языковые конструкции; оценочные суждения; моральные предписания; моральные принципы; правовое поведение; Р. Хэар.

«Лучше иметь некоторые принципы, даже если они иногда приводят к решениям, о которых мы сожалеем, чем быть морально брошенными на произвол судьбы».
R.M. Hare "Language of Morals"
(Oxford, 1952)

Введение

Научное наследие британского мыслителя Ричарда Хэара в современных условиях оказывает большое влияние на развитие теоретической этики и философии права. Считается, что именно с его именем метаэтика как неотъемлемая часть аналитической философии (и этики как области философского знания) получила целый набор новых методов исследования морально-этических императивов с точки зрения их отражения в различных типах языковых дискурсов, в том числе в языке права. Универсальность моральных предписаний и принципов, с одной стороны, никогда не вызывала принципиальных сомнений, но в то же время их изменчивость на протяжении истории общества и трансформации социальных институтов давала почву для сомнений как раз в характере такой универсальности.

На протяжении долгих столетий в теоретической этике вырабатывались подходы к рассмотрению сферы взаимодействия моральных и правовых регуляторов поведения в зависимости от реализуемых целей (в частности, модели утилитаризма, ретрибутивизма, кантовской этики морального долга и др.), но именно в концепции Р. Хэара предпринимается попытка проанализировать этические предписания сквозь призму лингвистических конструкций и их влияния на осуществление морально значимых и правомерных действий. Такой новаторский подход стал заметным продолжением развития лингвистической философии в британской традиции, с ее характерным вниманием к тонкостям стилистики нормативных высказываний, логической корректности аргументации авторов, детальным изучением примеров, иллюстрирующих аргументы и выводы конкретного автора. Поэтому наследие Р. Хэара остается востребованным до сих пор, вплоть до необходимости глубокой реконструкции его аргументов, изложенных не только в его книгах, но и отдель-

РИЧАРД МЕРВИН ХЭАР

ных статьях, часто получавших широкий отклик после ежегодных заседаний Аристотелевского общества.

Между тем труды Р. Хэара до настоящего времени остаются малоизвестными в постсоветской юриспруденции, несмотря на большое количество публикаций в зарубежных журналах и его частом упоминании в энциклопедиях (в том числе в Стэнфордской энциклопедии). Значение его идей оценивается таким образом, что он успешно применил методологические разработки и принципы лингвистической философии к анализу моральных суждений и языка морали в целом, сформулировав ряд интересных философских аргументов и идей, получивших в дальнейшем широкий отклик в научной литературе. Хэара неслучайно относят к числу сторонников аналитической этики (метаэтики), поскольку в его трудах получили фундаментальное воплощение и творческую критику идеи и аргументы трактата *Principia Ethica* Дж. Мура.

Основные положения

Статья является вводной частью для публикации перевода фрагмента работы Р. Хэара «Язык морали».

В целом в научной литературе наблюдается меняющееся отношение к творчеству Р. Хэара. Советские ученые упоминали его труды в критических обзорах зарубежных («буржуазных») этических теорий,² а в постсоветский период аргументы Хэара относительно сущности нормативного языка морали стали предметом осмысления в контексте векторов развития моральной философии 60-70-х гг. XX в.³ В зарубежной литературе наиболее известным произведением Р. Хэара является его первая книга «Язык морали», изданная в издательстве Оксфордского университета в 1952 г. В журнале «Труды Аристотелевского общества» Хэар публиковался лишь дважды: в 1955 г. с изданием статьи «Универсализируемость», и в 1973 г. – с президентским докладом «Принципы». Оба текста являются тезисным изложением базовых положений ключевых научных трудов Хэара в области метаэтики.

²См.: Дробницкий О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М., 1974. С. 128-133; Коновалова Л.В. Мораль и познание. Критика гносеологических основ современной буржуазной этики. М., 1975. С. 123-124.

³См.: Никоненко С.В. Моральная философия Р. Хэара // Никоненко С.В. Английская философия XX века. СПб., Наука, 2003. С. 457-461; Апресян Р.Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. № 8. – С. 79-88; Прокофьев А.В. Универсальность как свойство моральных явлений // Вопросы философии. 2018. № 11. – С. 47-56; Логинов Е.В. Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. // Философские науки. 2018. № 10. – С. 65-80.

К числу таких ключевых положений следует отнести, прежде всего, его акцент на *логическом анализе языка морали*. По аналогии с известным тезисом «логика есть сущность философии» Бертрانا Рассела, основателя аналитической философии, Хэар полагал, что только путем прояснения значений этических терминов и понятий может быть реализован потенциал лингвистического анализа в области этики, позволяющий раскрыть нормативность этических правил и принципов. Сам по себе язык морали имеет *прескриптивный* характер, то есть содержит правила, наиболее полно выраженные в виде моральных императивов и моральных ценностей. Поэтому если нам необходимо оценить степень соблюдения моральных ценностей и принципов конкретным человеком, необходимо изучить его действия, так как «функция моральных принципов состоит в руководстве поведением».⁴ Язык морали выступает одной из разновидностей нормативного языка, содержащего предписание: «исследование императивов является лучшим введением в исследование этики».⁵

Для того, чтобы увидеть специфику выражения моральных императивов, их необходимо сравнить с другим типом языковой конструкции в языке – дескрипцией. Если дескрипции могут содержать описание состояния мышления этического субъекта, к которому применимы критерии истинности или ложности описания, то императивы содержат основания для этически значимого действия.⁶ А это значит, что к императивам (похожим на *команды* к действию) применим лишь критерий значимости для поведения субъекта, так как императив с точки зрения логического анализа выводим только из посылок, уже содержащих другой императив.⁷ С другой стороны, если моральное суждение – это утверждение о должном, то по своей сути такие суждения не могут быть суждениями о фактах, а лишь суждениями о действиях субъекта.

К статье прилагается первый перевод на русский язык одного из фрагментов работы Р. Хэара, имеющего значение не только для теории этики, но и для философии права.

Материалы и методы

В статье использованы труды выдающегося английского философа Ричарда Хэара, иная научная литература по проблемам этики. В статье использованы *методы исследования* как основанные на принципах и идеях аналитической философии (методы лингвистического анализа языковых конструкций), так и общенаучные методы познания (анализ и синтез, абстрагирование и идеализация, индуктивное обобщение), а также специальные юридические методы (формально-юридический метод толкования нормативных предписаний). Автором статьи переведен прилагаемый фрагмент работы Ричарда Хэара.

⁴Hare R. Language of Morals. Oxford, 1952. P. 1.

⁵Ibid. P. 2.

⁶Хэар употребляет термин «индикатив» для описания фактического положения дел, но в его противопоставлении с прескрипциями индикативы ближе всего по смыслу именно к дескриптивным суждениям (дескрипциям).

⁷Hare R. Language of Morals. P. 28.

Результаты исследования

В структуре прескриптивного языка Хэар выделяет *императивные и ценностно-оценочные суждения*, среди которых могут быть обнаружены как *сингулярные и универсальные императивы*, так и *моральные и не-моральные ценностные суждения*. Каждый тип суждения предусматривает некое *предписание совершить действие или воздержаться от него*. Хэар настойчиво подчеркивает отличие *дескрипций* (как описаний фактического состояния дел) от *императивов*, имеющих прескриптивный характер. Его аргументы основаны на том, что для регулирования поведения недостаточно ссылаться на самоочевидность моральных принципов или отдельных моральных ценностей. Ведь если даже внутреннее убеждение или совесть подсказывают конкретному человеку, какой морально оправданный поступок он должен совершить, у него могут быть сомнения с характеристикой своих действий в качестве исполнения морального долга: «ни одна моральная система, чьи принципы рассматривались бы как чисто фактуальные, не могла бы выполнять свои функции регулирования поведения». ⁸ Поэтому оценочный характер моральных предписаний становится побуждением к совершению морально оправданных действий, что проявляется нормативным содержанием языка морали.

В структуре языка морали Хэар уделяет внимание анализу базовых этических понятий – морального долга и добра: «это ценностные слова, главный инструмент предписания, которым наш язык влияет на нас». ⁹ С точки зрения лингвистического анализа языка морали Хэар продолжает традицию философствования, заложенную Дж. Э. Муром, но дополняет ее собственной аргументацией. Он полагает, что добро является общим свойством для многих и различных явлений и поступков. Понятие добра может быть универсализуемо применительно к способам поведения. Вещи могут быть «хороши» для достижения цели, но не обладать моральным смыслом (например, «хороший» пистолет может быть средством защиты для полицейского и средством совершения убийства для лица, совершившего преступление). Такое разграничение дает возможность Хэару выделить в понятии добра в неморальном контексте инструментальное значение, а в моральном контексте – внутреннее значение (добро как таковое, добро как этическая ценность).

В то же время, возвращаясь к критике дескриптивного подхода Хэар отмечает вторичность дескриптивного значения добра по отношению к оценочному. Если в разговоре с другим человеком использовать оценочное выражение «М – хороший автомобиль», его применение даст больше, нежели описание конкретных качеств или признаков автомобиля. ¹⁰ Причина сочетания дескриптивного и оценочного в понятии «добра» состоит в формулировке прескрипции (предписания, рекомендации) для выбора действий. Таким образом, в понимании языка морали Хэар провозглашает позицию *этического нон-когнитивизма*, когда моральные суждения имеют некоторое фактическое содержание в форме эмпирических фактов, но по своей сути содержат нормативные предписания.

В лингвистической концепции Р. Хэара содержатся и ряд важных аргументов в ответ на дискуссии, характерные для современной этики и философии права.

⁸Hare R. Language of Morals. P. 44.

⁹Ibid. P. 79.

¹⁰Ibid. P. 112-113.

Так, например, в своих трудах он активно полемизирует с принципом обобщения, сформулированным М. Сингером, который применяется при оценке степени универсальности применения моральных принципов к конкретным действиям и поведению субъектов.

Принцип обобщения заключается в следующем: *то, что правильно (или неправильно) для одного человека, должно быть правильным (или неправильным) для любого другого человека в схожих обстоятельствах*. Для теоретической этики долгое время данный принцип обобщения казался очевидным, а в терминологии известного британского философа Г. Сиджвика именуется принципом беспристрастности и справедливости: «если поведение, которое является правильным (или неправильным) для меня, не является правильным (или неправильным) для кого-то другого, то это должно быть обусловлено каким-то различием между этими двумя случаями, кроме того факта, что я и он – разные люди». ¹¹ Между тем для такого утверждения существует ряд возражений. Дело в том, что в абстрактном смысле сходство обстоятельств и сходство субъектов можно предположить гипотетически. Но что это означает на самом деле? Как мы можем утверждать в каждом конкретном случае, являются ли природа, положение или люди схожими или нет? И наоборот – при каких условиях нельзя сказать, что два человека похожи? Всегда можно найти какие-то сходства, а если это так, то получается, что этот принцип настолько неопределённый, что бесполезен в практическом смысле. Не поможет делу и утверждение, что «схожие люди в схожих обстоятельствах» – это те люди, «чьи характеры и положение не отличаются в некоторых важных аспектах». ¹² В каких отношениях они важны? Как можно определить в каждом конкретном случае, какие различия важны, а какие нет?

М. Сингер полагал, что указанные выше возражения основаны на путанице с терминами и непонимании сущности принципа обобщения. Возражения против принципа обобщения предполагают, что он претендует или должен содержать в себе критерии для «схожих людей в схожих обстоятельствах», в то время как он не должен содержать таких критериев. Упоминание термина «схожий» в изложении этого принципа не делает его неопределённым или неприменимым. Выражение «схожие лица в схожих обстоятельствах» должно толковаться как находящиеся в конкретном месте лица, но контекст истолкования при этом может быть разным, как различаются и внешне похожие действия, совершаемые разными людьми.

Принцип обобщения следует понимать в том смысле, что то, что правильно для одного человека, должно быть правильным для каждого *релевантно* похожего человека в *релевантно* похожих обстоятельствах. А сама релевантность будет определяться контекстом, в котором совершается поступок и осуществляется его оценка. В качестве примера можно привести аргументацию, которую предлагал Г. Сиджвик, упоминая условия, при которых ложь может быть этически оправдана: «Утилитарист считает, что на общих основаниях правильно ответить ложью на вопрос о том, как он проголосовал на политических выборах, где голосование проводится тайно». ¹³ Его доводы, вероятно, будут заключаться в том, что утилитаристский запрет лжи основывается на (1) вреде, наносимом введением в заблужде-

¹¹Цит. по: Singer M. Generalization in Ethics // Mind. 1955. Vol. 64. №. 255. P. 362.

¹²Ibid. P. 362-363.

¹³Ibid. P. 363-365.

ние конкретных людей, и (2) тенденции ложных заявлений уменьшать взаимное доверие, которое люди должны иметь к утверждениям друг друга; и что в этом исключительном случае (1) целесообразно, чтобы спрашивающий был введен в заблуждение: а (2) в той мере, в какой ложь имеет тенденцию порождать общее недоверие ко всем утверждениям о том, как человек голосовал, она только способствует достижению цели, ради которой голосование было сделано тайным. Очевидно, что если эти причины справедливы для любого человека, то они справедливы для всех людей.

М. Сингер отмечает в данном случае, что конкретные причины не очень важны в данном контексте, как и не важна ссылка на утилитаризм. Важно заявление Г. Сиджвика о том, что если эти причины действительны для любого человека, то они действительны для всех людей. Принцип справедливости означает, что действие, если оно правильно для любого человека, должно быть правильным на общих основаниях, а значит, и для некоторого класса людей. Важность этих двух утверждений заключается в том, что они дают ключ к правильному толкованию слова «схожий» в данном принципе. Критерии для «всех схожих случаев» содержатся в «общих основаниях» или причинах, на основании которых действие является или считается правильным или неправильным. Эти основания определяют, кто является схожим, а кто нет в определенном контексте. Все те, к кому применимы причины, похожи друг на друга, и соответствующим образом отличаются от тех, к кому причины неприменимы. Применение принципа обобщения *предполагает, а не определяет само по себе*, что последствия того, что каждый будет действовать определенным образом, будут нежелательными. Достаточно показать, что аргумент обобщения является обоснованным.

Р. Хэр в своей концепции двигается более глубоко и обоснованно в части формулировки *принципа универсализуемости* моральных предписаний, чтобы избежать противоречий применения принципа обобщения. Он подчеркивает, что и принципы имеют прескриптивное содержание.¹⁴ Однако универсальность моральных принципов не означает отсутствия изменчивости их содержания. Наполнение конкретного морального принципа может меняться, и такой моральный принцип, будучи универсальным, не всегда остается общим.¹⁵ Так, например, моральный принцип «не говори неправду» может содержать исключения в отдельных случаях (например, в случае разговора с неизлечимо больным человеком, либо в случае допроса во вражеском лагере во время военных действий). Кроме того, ложное высказывание может выступать способом развлечь, повеселить окружающих людей. Поэтому Хэр подчеркивает важность моральных принципов как основания для выбора действий и совершения морально оправданных поступков.¹⁶ Следование моральному принципу также позволяет предвосхищать последствия совершенного поступка, тем самым соблюдение морального принципа дает нам знание о будущем.

¹⁴См.: Hare R. M. The Presidential Address: Principles // Proceedings of the Aristotelian Society. 1972-1973. Vol. 73. № 1. P. 1-2.

¹⁵Так, в отношении принципа универсализуемости О.Г. Дробницкий утверждал, что «нравственная оценка или предписание, даже в том случае, если непосредственно она относится к единичному действию какого-то индивида, может быть обобщена таким образом, что будет правомерной в отношении всего класса подобных действий, кем бы они не совершались» (Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 133).

¹⁶Hare R. Language of Morals. P. 53-54.

Обсуждение

В вопросе о соотношении универсальности и общности моральных принципов произошла дискуссия между Р. Хэаром и М. Сингером. Суть дискуссии выражена Хэаром в нескольких аргументах по мере изложения президентского доклада «Принципы». Он стремится прояснить различия в употреблении терминов «обобщение» и «общее», «универсальное» и «универсализуемое». С точки зрения лингвистического анализа «общее» противоположно «единичному» (конкретному), а универсальные суждения не могут содержать единичные термины. Именно поэтому в аргументах Хэара против Сингера звучит уточнение, что универсальность не может измеряться уровнями, в то время как обобщение как раз измеримо степенью обобщения.¹⁷ Ведь если вернуться к выделению особых логических свойств моральных высказываний и прескриптивному характеру языка морали, то универсальность моральных принципов понимается Хэаром именно в таком контексте, который не уловил Сингер.

Хэар пытается провести соотношение между моральными принципами и практическими принципами с точки зрения обучения вождению автомобиля и обучения моральным императивам. В обоих случаях изучение сущности принципов должно быть глубоким, доведенным до автоматизма. Принципы усваиваются и на уровне овладения языком, и на практике, и предполагают достижение общей цели (хорошее вождение и морально оправданное поведение). В основе выбора любых морально значимых действий (и правомерных в том числе) лежат моральные принципы, связанные с ценностями: «давать ценностное высказывание означает делать выбор принципов».¹⁸ Моральная оправданность поступка лица рассматривается сквозь призму универсального закона или модели поведения других субъектов.

При этом универсализуемость моральных принципов нельзя смешивать с общезначимостью или общепринятым характером содержания морального принципа, поскольку общезначимость может быть ограничена рамками отдельного общества и, соответственно, отвергаться в другом обществе.¹⁹ Универсализуемость подчеркивает общечеловеческий характер морального принципа и в силу этого может рассматриваться как недостаточно определенное понятие. В данном случае можно обнаружить и проявление категорического императива, и универсальное согласие любых субъектов с данным принципом, и совокупность правил, получивших статус принципа как основания для совершения действий широким кругом лиц. Тем самым такой признак морального принципа как универсализуемость способствует превращению личного морального выбора во всеобщий закон поведения других людей: «решая, какие моральные принципы принять, мы выбираем, что именно можно требовать универсально от каждого, кто находится в схожей ситуации».²⁰ Кроме того, при использовании принципа универсализуемости могут применяться лишь логические постоянные и логические операторы без учета каких-либо личных предпочтений. Тем самым критерий и процедура универсализуемости применяются в отношении прескриптивных высказываний как замена критерию истинности для дескриптивных высказываний.

¹⁷См.: Hare R. M. The Presidential Address: Principles. P. 2.

¹⁸Hare R. Language of Morals. P. 70.

¹⁹ См.: Hare R. M. The Presidential Address: Principles. P. 4.

²⁰Hare R. Freedom and Reason. 1967. P. 49.

Моральное суждение, как отмечает Хэар, позволяющее судить о действиях, которые необходимо совершить, относится к случаям определенного типа, с одной стороны, и формулирует предписание без учета индивидуальных особенностей поведения.²¹ Поэтому обоснование морального суждения в качестве универсального морального принципа становится средством этической оценки конкретных проявлений человеческого поведения и их последствий.

Заключение

Таким образом, в научном наследии Р. Хэара и его концепции лингвистического анализа морально-этических императивов содержится большой потенциал развития и аргументы, полезные для изучения признаков правомерного (а значит морально оправданного) поведения субъектов правовых отношений. В юриспруденции аргументы метаэтики тесно сближаются с аргументацией аналитической философии права, которая развивалась параллельно идейным взглядам Р. Хэара во второй половине XX века.

Далее представлен перевод части 4 «Решения на основе принципа» главы 1 «Повелительное наклонение» книги Ричарда Хэара «Язык морали», наиболее репрезентативно иллюстрирующей идейную позицию и взгляды всемирно известного ученого.²²

А.Б. Дидикин, ф.ғ.д., з.ғ.к., доцент, М.С. Нәрікбаев атындағы КАЗГЮУ Университеті Құқық жоғары мектебінің профессоры (Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан), Аристотель қоғамының мүшесі (Ұлыбритания), Канада философия қауымдастығының мүшесі: Моральдық принциптер мен құқықтық жүріс-тұрыс: Ричард Хэардың лингвистикалық тұжырымдамасын талдау.

Бұл мақала тақырыбының өзектілігі қазіргі заңтану мен құқық философиясында аналитикалық метаэтика проблемасының жеткіліксіз зерттелуіне байланысты. XX ғасырдағы метаэтика құқықтық құбылыстарды, әсіресе заңдық тілдің лингвистикалық құрылымдарын танудың классикалық әдістерін қайта қарастырудың маңызды негізі болды. Мақалада қаралып отырған әлемге әйгілі ғалым, Ұлыбританиядағы Аристотель қоғамының төрағасы және көпжылдық қатысушысы Ричард Хэардың лингвистикалық тұжырымдамасы мораль тілі мен құқық тіліндегі нормативтік мәлімдемелердің құрылымын жаңаша талдауға мүмкіндік береді. *Зерттеу пәні* құқық тілінде моральдық принциптер мен моральдық ережелерді көрсету тәсілдерін талдаудан тұрады. *Жұмыстың мақсаты* – маңызды заңды мінез-құлықтың сипатын оның моральдық-этикалық негіздері тұрғысынан теориялық қарастыру.

Тақырыптың жаңалығы оқу және ғылыми әдебиеттерде құқық пен құқықтық жүріс-тұрысты реттеу саласында мораль тілінің прескрептивті құрылымдары көрінуі ерекшеліктері туралы зерттеулердің, сондай-ақ заңдық тілдің этика тілімен қарым-қатынасындағы құрылымын терең талдаудың жоқтығымен байланысты болып отыр. *Зерттеу әдістері* ретінде аналитикалық философияның принциптері мен идеяларына негізделген философиялық тәсілдер (тілдік құрылымдарды лингвистикалық талдау әдістері), сонымен қатар, танымның жалпы ғылыми әдістері (талдау және синтез, абстракция және идеализация, индуктивті жалпылау), арнайы құқықтық әдістер (нормативтік талаптарды түсіндірудің ресми-құқықтық әдісі) қолданылды.

²¹См.: Hare R. M. The Presidential Address: Principles. P. 8.

²²Перевод выполнен по работе Р.М. Хэара: Hare R. M. The Language of Morals. Oxford: Clarendon Press, 1952. P. 56-78 (Part 1. The Imperative Mood. 1.4. Decisions of Principle).

Мақаланың негізгі тұжырымдары британдық ойшыл Р. Хэар қалыптастырған мораль тілінің нормативтік ережелері тұжырымдамасының негізгі аргументтерін ашудан тұрады. Мораль тілінде де құқықтық мәлімдемелер секілді императивті сипатқа ие нормативтік моральдық ережелер бар, яғни субъект жасаған әрекеттердің мәні мен салдарын айқындайды. Тілдегі императивтердің мұндай бөлінуі оларды шындық немесе жалғандығы тұрғысынан бағалауға мүмкіндік бермейді, өйткені олар субъектінің жүріс-тұрысын фактілерге сәйкестік тұрғысынан сипаттап қана қоймайды, оларды ынталандырады және реттейді. Р. Хэар тұжырымдамасынан жасалған тағы бір маңызды қорытынды – бұл әрекеттің құқыққа сәйкестігі мен этикалық негізділігін әмбебаптылық принципі тұрғысынан бағалау мүмкіндігі, ол принцип мінсіз әрекетті жағдайдың мән-мәтіні мен субъект жүріс-тұрысының сыртқы жағдайларына сәйкес келтіруге мүмкіндік береді. И. Канттың категориялық императивінен айырмашылығы, бұл принцип адамның құқықтық жүріс-тұрысының белгілі бір ерекше грамматикалық формасы бар, нормативтік белгіленген моральдық және құқықтық ережелерге сәйкестігін немесе сәйкес еместігін эмпирикалық түрде растайды.

Мақала авторы әлемге әйгілі ғалым Ричард Хэардың «Мораль тілі» кітабындағы оның идеялық ұстанымы мен көзқарастарын анығырақ көрсететін 1-тарауы «Бұйрық райдың» «Принципке негізделген шешімдер» атты 4-бөлімін аударып ұсынып отыр.

Тірек сөздер: мораль тілі, құқық тілі, прескриптивті тілдік құрылымдар, бағалау пікірлері, моральдық ережелер, моральдық принциптер, құқықтық жүріс-тұрыс, Р. Хэар.

A.B. Didikin, Doctor of Philosophy, PhD in Law, Associate Professor, Higher School of Law, M. Narikbayev KAZGUU University (Nur-Sultan, Kazakhstan), member of Aristotelian Society (United Kingdom), member of Canadian Philosophical Association: Moral Principles and Legal Behavior: An Analysis of Richard Hare's Linguistic Conception.

The *relevance of the topic* of this paper is due to the insufficient study of the problems of analytical meta-ethics in modern jurisprudence and philosophy of law. Meta-ethics during the XX century is an important basis for rethinking the classical methods of cognition of legal phenomena, especially linguistic constructions of the legal language. The linguistic conception considered in the article by Richard Hare, a world-famous scientist, Chairman and long-term participant of the Aristotelian Society in the UK, allows us to innovatively analyze the structure of normative statements in the language of morality and the language of law.

The *subject of the study* is the analysis of ways to display moral principles and moral prescriptions in the language of law. The *purpose of the work* is to theoretically consider the nature of legally significant behavior from the point of view of its moral and ethical grounds. The *novelty of the topic* is due to the lack of research in the educational and scientific literature on the specifics of the manifestation of prescriptive constructions of the language of morality in the field of law and regulation of legal behavior, as well as in-depth analysis of the constructions of the legal language in its relationship with the language of ethics.

Both philosophical approaches based on the principles and ideas of analytical philosophy (methods of linguistic analysis of language constructions) and general scientific methods of cognition (analysis and synthesis, abstraction and idealization, inductive generalization), special legal methods (formal legal method of interpretation of normative prescriptions) were used as *research methods*.

The *main conclusions* of the paper are to reveal the key arguments of the concept of normative prescriptions of the language of morality formulated by the British thinker R. Hare. It is proved that, by analogy with legal statements, the language of morality also contains normative moral prescriptions, which are imperative in nature, and therefore determine the essence and consequences of the actions performed by the subject. This separation of imperatives in language does not allow us to evaluate them from the position of truth or falsity, since they motivate and regulate the behavior of the subject, and not just describe it from the point of view of conformity with facts. Another significant conclusion from R. Hare's conception is the possibility of assessing the legality and ethical justification of an act from the standpoint of the principle of universalizability, which allows to fit the committed action into the context of the situation and external conditions of the subject's behavior. In contrast to the Kant's categorical imperative this principle empirically confirms the conformity or inconsistency of a person's legal behavior with the normatively established moral and legal prescriptions that have a specific grammatical form in the language.

The author of the paper presents a translation of part 4 "Decisions of the Principle" of chapter 1 "Imperative Mood" of Richard Hare's book "The Language of Morals", which most representatively illustrates the ideological position and views of the world-famous scientist.

Keywords: the language of morality; the language of law; prescriptive language constructions; value judgments; moral prescriptions; moral principles; legal behavior; R. Hare.

Список литературы:

1. Дробницкий О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974. – 386 с.
2. Коновалова Л.В. Мораль и познание. Критика гносеологических основ современной буржуазной этики. М.: Мысль, 1975. – 165 с.
3. Никоненко С.В. Английская философия XX века. СПб.: Наука, 2003. – 769 с.
4. Апресян Р.Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. № 8. – С. 79-88.
5. Прокофьев А.В. Универсальность как свойство моральных явлений // Вопросы философии. 2018. № 11. – С. 47-56.
6. Логинов Е.В. Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. // Философские науки. 2018. № 10. – С. 65-80.
7. Hare R. M. The Language of Morals. Oxford: Clarendon Press, 1952. – 202 p.
8. Hare R. M. The Presidential Address: Principles // Proceedings of the Aristotelian Society. 1972-1973. Vol. 73. № 1. – P. 1-18.
9. Hare R. M. Freedom and Reason. Oxford: Clarendon Press, 1963. – 228 p.
10. Singer M. Generalization in Ethics // Mind. 1955. Vol. 64. №. 255. – P. 361-375.

References (transliterated):

1. Drobnitsky O.G. Ponyatie morali. Istoriko-kriticheskiy ocherk [The concept of morality. Historical and critical essay]. Moscow: Nauka, 1974. – 386 p.
2. Konovalova L.V. Moral i poznanie. Kritika gnoseologicheskikh osnov sovremennoy burzhuznoy etiki [Morality and cognition. Criticism of the epistemological foundations of modern bourgeois ethics]. Moscow: Mysl, 1975. – 165 p.
3. Nikonenko S.V. Angliyskaya filosofiya XX stoletiya [English philosophy of the XX century]. St. Petersburg: Nauka, 2003. – 769 p.

4. Apresyan R.G. Fenomen universalnosti v etike: formi konceptualizacii [The phenomenon of universality in ethics: forms of conceptualization] // Questions of philosophy. 2016. No. 8. – P. 79-88.

5. Prokofiev A.V. Universalnost kak svoistvo moralnikh yavleniy [Universality as a property of moral phenomena] // Questions of philosophy. 2018. No. 11. – P. 47-56.

6. Loginov E.V. Analiz diskussiy o principe universalizuemosti v moralnoy filosofii 1970-1980kh [Analysis of the discussion on the principle of universalizability in moral philosophy of the 1970s-1980s] // Philosophical Sciences. 2018. No. 10. – P. 65-80.

7. Hare R. M. The Language of Morals. Oxford: Clarendon Press, 1952. – 202 p.

8. Hare R. M. The Presidential Address: Principles // Proceedings of the Aristotelian Society. 1972-1973. Vol. 73. № 1. – P. 1–18.

9. Hare R. M. Freedom and Reason, Oxford: Clarendon Press, 1963. – 228 p.

10. Singer M. Generalization in Ethics // Mind. 1955. Vol. 64. №. 255. – P. 361-375.

Для цитирования и библиографии: Дидикин А.Б. Моральные принципы и правовое поведение: анализ лингвистической концепции Ричарда Хэара // Право и государство. 2022. № 2(95). – С. 6-17. DOI: 10.51634/2307-5201_2022_2_6

DOI 10.51634/2307-5201_2022_2_17

УДК 340.12

ГРНТИ 10.07.27

РИЧАРД ХЭАР ЯЗЫК МОРАЛИ

Глава 1. Повелительное наклонение Часть 4. Решения на основе принципа

4.1.

Есть два фактора, которые могут быть вовлечены в принятие любого решения что-то сделать. Из них первое, во всяком случае теоретически, может отсутствовать, второе – всегда в какой-то степени присутствует. Они соответствуют основным и второстепенным посылкам аристотелевского практического силлогизма. Главная посылка – это принцип поведения; второстепенная посылка – это более или менее полное утверждение о том, что мы на самом деле должны были бы делать, если бы мы воплотили ту или иную из доступных нам альтернатив. Таким образом, если я решаю не говорить что-то, потому что это ложь, я действую по принципу «Никогда (или никогда при определенных условиях) не говори того, что ложно», и я должен знать что то, о чем я думаю стоит ли говорить, ложно.

Давайте сначала рассмотрим второстепенную посылку, поскольку она представляет меньше трудностей. Мы явно не можем решить, что делать, если не знаем хотя бы что-то о том, что нам следовало бы делать, если бы мы сделали то или иное. Например, предположим, что я являюсь работодателем и задаюсь вопросом, стоит ли увольнять клерка, который обычно появляется в офисе после часа, в который он обещал появиться. Если я уволю его, я лишу его семью денег, на которые они жи-

© Р. Хэар, 2022

© А.Б. Дидикин, перевод на английский язык, 2022